

И.М.КОНДРАКОВ

РАССКАЗЫ

ЗАПИСКИ КОМАНДИРОВОЧНОГО

....

Минеральные Воды 1999-2011

ТАПОЧКИ

Вся наша жизнь полна стереотипов. Порою они начинают довлеть над нашим сознанием, мышлением, делая его совершенно нетворческим, стандартным . Мы уже на одно и то же реагируем одинаково. К примеру: на реплику "Эта вещь импортная" - у большинства, как у собак Павлова на условный рефлекс, начинает формироваться стереотипная мысль: "Импортное, значит качественное". На отечественное же формируется чувство брезгливости: не качественное, немодное и т.п.

Вопреки сложившемуся стереотипу, при покупке, вроде бы, и щупал и мял, ну разве что только на Зуб не пробовал итальянские Зимние сапоги. Жена говорит бери, ибо импортные... Признаться честно, не лежит душа к импортной обуви - потому как она рассчитана на их условия: они ведь в Италии люди темные - не знают что у нас еще не перевелась грязь, слякоть . Ведь не случайно и наши художники-передвижники запечатлели ее во множестве своих картин, которые относят к мировым шедеврам... А потому наша родная

ленинградская обувная фирма , соблюдая традицию, точала отечественную обувь - она хоть и без европейского дизайна, - однако ж покрепче, да и посноснее будет. Ей все ни почем: ни грязь, ни слякоть, ни дождь - все терпит. Потому при покупке на нее, родимую, исходя из ее потребительских свойств, глаз положил. Но жена, прельстившись внешнему виду продукцию "макаронников", настояла на покупке импортной обуви , а именно итальянских сапог. А тут, как в наказание, пришло время ехать в командировку из заснеженного Красноярска в сам Нижний Новгород.

По пути в Нижний пришлось еще заехать в Арзамас, где сапоги мои, словно рекламируемые прокладки, добросовестно впитали в себя содержимое арзамасских улиц, дав интуитивно почувствовать, что они будут это делать с утра до вечера, и до Сибири в них мне не доехать. Дело-то было в конце зимы. Еще лежал тающий снег, наполняя воздух сыростью, а где по утрам и морозы еще пощекотывали нервы.

Спрогнозировав грядущую ситуацию, и то, что европейское качество - это то, что хорошо для Европы, а мне же еще предстоит в этих "прокладках" ходить более недели, заранее на автовокзале Арзамаса купил тюбик клея "Момент". Ибо уже на подходе к автовокзалу

подошвы сапоги стали заметно отходить от той части, к которой они были приклеены итальянскими халтурщиками одноименным клеем. При этом они становились похожими на вытянутые от удивления, физиономии итальянских туристов, раскатавших губу получить только эстетическое удовольствие от знакомства с неизвестной им Россией и увиденного, а потому пытающихся со свойственным только им темпераментом выказать свое неудовольствие местными тротуарами, внесших в их эстетическое наслаждение элементы дискомфорта.

Скорым временем подошвы стали заметно приоткрывать свои узкие и вытянутые рты, издавая при каждом поднятии ноги чавкающие звуки, словно голодный итальянец, заглатывающий любимые макароны после годового воздержания.

Купив билет на автобус, и найдя свободное место в зале ожидания, стал дожидаться времени отъезда. Вспомнив, что у меня с собой всегда есть прочные капроновые нитки, решил привязать подошвы к сапогам, чтобы хоть как-то добраться потом с вокзала до нижегородской гостиницы. Клеить подошвы было нельзя - сапоги насквозь промокли и создавали ощущение, будто бы на ногах не они, а детские памперсы после длительной прогулки.

Кое-как добрался до гостиницы, и пока

администратор оформляла мое вселение, я обратил внимание на включенный телевизор. Весь экран занимала физиономия с отвисшими щеками, в которые переходил лысеющий череп с его содержимым. За расходящимися в стороны щеками едва виднелись прижатые к голове чуть торчащие ушки. Это был "реформатор" Гайдар, который, художественно похрюкивая, рассуждал о пользе монетаризма для России и о том, что вот-вот начнется рост чего-то. Чего - он и сам не

знал, но печать собственной значимости для истории читалась в его бегающих с трудно просматриваемыми следами интеллекта глазках.

Уставшее сознание почему-то озорно встрепенулось и мысленно дорисовало портрет "реформатора" до полной гармонии, вытянув несколько вперед переднюю часть его физиономии, а вверх - уши. Получился холеный хряк в галстук. Эти фантазии несколько развеселили меня, сняв какую-то часть усталости.

Вскоре все мои бумаги были оформлены, я заплатил за гостиницу и пошел к себе в номер. Устроившись в номере, решил сразу же отправиться в магазин, чтобы купить себе что-то сносное на ноги. Дело было в субботу. В воскресные дни магазины не работают, да и как добираться до них, если подошвы к этому времени, словно собачьи языки в жаркую погоду

от бессилия свисали вниз.

Ближайший обувной магазин находился в 300 метрах от гостиницы -его заметил еще в прошлую командировку.

Прикинув свои финансовые возможности - нужно было неделю пробыть в Н.Новгороде, а затем еще добраться до Красноярска - пришел к выводу, что, при лучшем раскладе средств, можно рассчитывать только, ну, максимум, на 15 тысяч рублей. Это несколько озадачило, но делать было нечего. Пришлось опять подвязать капроновыми нитками подошвы своих итальянских грязеходов и медленно дефилировать в магазин, ибо при быстрой ходьбе вся моя конструкция грозила рассыпаться.

Кое-как дошаркав до заветного магазина, и испытывая неприятное прокладочно-памперсное ощущение от мокрых ног,- ибо границей впитываемой жидкости были именно они - непромокаемые, стал внимательно рассматривать цены на обувь нужного размера. Симпатичные продавщицы приветливо принялись предлагать сапоги различных фирм, в том числе и итальянских. Вежливо отказавшись от них, переходил от отдела к отделу.

Просмотрев вереницы цен на полках в очередном отделе, где продавались туфли, меня пробрал холодный пот - цены на туфли "кусались" сильнее итальянских сапог. Ничего

не дал переход и в соседний отдел, где были туфли "поскромнее" - не зимние, но стоили больше 15 тысяч наших рублей.

Ситуация грозила стать безвыходной. Но линия судьбы повела в последний отдел, где продавались одни лишь тапочки. К этому времени, как назло, нитки, которые как-то держали языки-подошвы в приличном положении, сползли с них. При поднятии ноги подошвы сапог, отклеившиеся уже до самых каблуков, вульгарно свисали вниз, как огромные висячие языки в мясной лавке.

Не поднимая ног, медленно проскользил до последнего отдела, где внимательно стал рассматривать тапочки, мысленно калькулируя свои финансовые возможности при том или ином раскладе, в досаде на свою судьбу, что так часто она посылает мне подобные испытания. Правда, ходить в тапочках в конце февраля меня не особенно прельщало - это удел моржей, но в данной ситуации делать было нечего. А главное, Здесь сразу бросилось в глаза то, что цены на товар были сговорчивее цен соседних отделов. Это как-то приободрило. Но озадачило то, что в основном все предлагаемые тапочки предназначались для ношения их в помещении или в летнее время.

Около получаса ушло на внимательное изучение предложения данного обувного отдела. Пришлось стоять на одном месте, как

вкопанный, ибо передвижение повлекло бы за собой массу неудобств.... Заметив это, симпатичная и очень приятная продавщица обратилась с вопросом:

- Вы не можете выбрать нужную вам обувь?

- Могу, но вот мне нужно, чтонибудь с резиновой подошвой и в пределах 15 тысяч рублей - для работы на даче в неблагоприятных условиях, чтобы ноги не промокли, если будет сырость, - последовал ответ. - Но тут у вас все для домашних условий...

- Погодите, кажется, есть такие! - радостно ответила продавщица. Вот эти вельветовые с резиновой подошвой.

Она подала темно синего цвета тапочки с действительно резиновой подошвой. Их при плохом рассмотрении можно было даже принять за туфли.

- Это то, что мне нужно!.., - почти ликуя, ответил я. - А сколько они стоят?

- Всего 5 тысяч! - Возьмете? Тогда платите в кассу. Она вон там - у входной двери, - рукой показала она..

- Конечно, беру! - Они мне для дачи в самый раз, вот жена обрадуется, - радуясь удаче, и забыв про свои сапоги с висячими подошвами,

строевым шагом бросился к кассе. Но подошвы-языки предательски громко шлепнув вначале о сапоги, а затем о мраморный пол магазина, выдали меня, чем обратили внимание не только продавщицы, но и ближайших покупателей. Ситуация выходила из под контроля. Все захихикали и весело заулыбались. А продавщица прикрыла рот, чтобы сдержать своей хохот.

– Туда, там касса? - спрашиваю сдуру еще раз у нее. Но "тайна" моя была раскрыта. Стало страшно неловко.

Чтобы не привлекать внимание других покупателей и продавщиц других отделов, я так же, как до того дошаркал до отдела с тапочками, медленно доскользил до кассы, выложив 5 тысяч и скалькулировав, что сэкономил аж 10 тысяч, получил Заветный чек. Дойдя таким же образом обратно к отделу тапочек, гордо вручил чек улыбающейся продавщице, получив взамен свою заветную попку с комментариями:

– Носите их на здоровье на своей даче, хотя как вы по такому-то холоду в них?

– Спасибо! - У нас на даче бывает тепло..., - сдуру выпалил я и, забыв про все, огромными шагами, расставляя ноги в стороны, будто бы был в ластах, направился к выходу, издавая своими сапогами при каждом шаге хлюпающий звук. В этот момент себя ощущал Кваком из

фильма "Варвара-краса - длинная коса".

Натерпевшись позора из-за своих итальянских сапог, выскочил из магазина, затем, оглядевшись, зашел за ближайший киоск, благо ни кого вокруг не было, переобулся и счастливый отправился в гостиницу. Конечно, новые темно-синие тапочки никак не вписывались в мой зимний гардероб. Недоуменный взгляд прохожих говорил об этом и еще кое о чём другом. Наверняка у каждого возникала мысль: «А не сбежал ли товарищ из сумасшедшего дома?" Мне же пришлось успокаивать себя тем, что - может быть я на минуту вышел из гостиницы и забыл переобуться, а может быть я морж, какой. Кому, какое дело?

Но на этом мои приключения с тапочками не кончились. Мало того, что представители организаций, в которых мне пришлось бывать, недоуменно осматривали меня с головы до ног, видя вопиющую дисгармонию во внешнем виде, молча пожимали плечами, и, наверняка про себя думали: «У сибиряков свои причуды".

Итальянские сапоги я то склеил, чтобы довести до Красноярска и отдать в ремонт. В Доме быта подошвы отодрали и вновь приклеили на место, но уже нашим отечественным клеем. Получалось теперь, что сапоги вроде бы как итальяно-российской фирмы.

Вернувшись в Красноярск в тапочках, я не рассчитывал ходить в них и здесь, поэтому после ремонта сапог, сразу же надел их. Но в марте в Красноярске еще лежит снег, такая же слякоть, как и в Н.Новгороде в феврале. Однако после первой же прогулки сапоги опять высунули свои языки, но уже на наш - российский манер: у подошв в виде зубов торчали лохмотья нашенского клея. Халтурщики даже интернационального происхождения не гарантируют хоть какого-то бы ни было качества.

Делать было нечего, ну разве что опять пойти в Дом быта и написать жалобу, отчего "фирмачи" запрыгали, забегали и через три дня мне вернули мои злосчастные сапоги. Теперь это были сапоги чисто нашего производства, выполненные из итальянских заготовок: новые подошвы с высокими каблуками были приклеены вулканизированным каучуком к сапогам так, что края подошвы заканчивались аж на 15-20 миллиметров выше уровня подошв и стали больше похожими на гибрид из сапог и калош - в виде кожаного верха и резинового низа. Таким сапогам была уже не страшна наша российская грязь, а в Италии они смотрелись бы как нечто экзотическое - из России, но с итальянскими корнями. В Доме быта мне их выдали с комментариями, как самому дорогому человеку. Однако ж носить сапоги больше не пришлось: жена сказала, что в таких сапогах я

ходок

только на дачу и без нее.

Теперь мои российско-итальянские сапоги, как реликвия, пылятся где-то в Красноярске. А вельветовые тапочки прослужили аж целых два года - два лета проходил в них на дачу. Ничто их не брало, и они полностью оправдали свою стоимость и свое назначение, спасая меня в слякоть, мороз и жару. Как говорится: «Мал золотник, да дорог». Не ценим и не осознаем мы еще преимущества отечественного качества, нашей продукции, произведенной по ГОСТам ВПК... А испортились мои тапочки лишь после того, как во время ремонта пропитались известкой. Вечная память отечественным тапочкам - образцу качества и надежности!

ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС

Не повезло! Не успел, по закону подлости, на какие-нибудь 2-3 минуты. Автобус "Кушва-Красноуральск" показал свой чадящий зад и скрылся за поворотом. Следующий автобус - по расписанию - через два часа. Выйти некуда, на улице мороз с ветром, пронизывающим до костей. Пришлось смириться и два часа просидеть в пустом и обшарпанном автовокзале с дизайном начала века. Правда, по сравнению с другими автовокзалами Урала, этот отапливался,

и это единственное преимущество как-то скрашивало решение убить время здесь, за чтением книги - непременным спутником всех командировок.

Первые полчаса на автовокзале было тихо. Похоже, что ни одна живая душа с отходом последнего автобуса больше не желала его посещать. Но вот донеслось лошадиное ржание. В окошко было видно, как к автовокзалу подкатила телега, на которой гордо восседал комического вида мужичок с достоинством водителя "Кодилака". Подъехав почти к двери, он привстал, оглянувшись по сторонам, громко скомандовал:

- Сто-о-ять! - Стерва! ... твою мать!

Лошадь встала, как вкопанная. Через минуту с притопыванием мужичок ввалился в маленький и низенький автовокзал. Это был рыжий, с такой же рыжей и кучерявой бородой представитель Российской окраины, который не привык обращать внимание на свой внешний вид, потому как пошить костюм у Юдашкина, Славы Зайцева или, на худой конец, у Версаче не было особой надобности - для кобылы или коровы было все равно в какой "шкуре" ходит ее хозяин. А на ставшие модными различные презентации его вряд ли кто когда-нибудь пригласил бы. А потому мужичок, как и большинство его провинциальных соплеменников в глубинке, был одет в стандартную

форму. На голове у него была нахлобучена набекрень, выдавшая виды, потертая шапка-ушанка с развязанными клапанами, торчащими в стороны, словно хвосты веселых лаек. Одет он был в потертый, некогда черного цвета, смокинг местного покроя в стиле а ля-телогрейка со множеством дыр. Ватные штаны с темными заплатками на заднице и коленках были подпоясаны бечевкой, концы которой выглядывали из под телогрейки. На руках у него были надеты дырявые меховые рукавицы не первой свежести.

Мужичок широко и открыто улыбнулся, показав, помимо единственного торчащего изо рта желтого зуба, весь остаток остальных черно-желтых, скорее всего от махорки, зубов. Лицом он сильно напоминал персонаж нищего с картины Сурикова "Боярыня Морозова", и, как принято в русской провинции, первым поздоровался с незнакомым человеком:

- Здрасьте вам! - Вы автобус ждете? Да-а-а, - протянул он, не дожидаясь ответа на свой вопрос, - долго ж однако вам его ожидать. Тут ведь как: успел - уехал, а не успел - сиди и жди. Вон они как ходют, совсем скоро ездить перестанут.

- Добрый день! - последовал ответ.- А вы, что ж, тоже на автобус?

- - А как же гужевой четырехногий транспорт?

- Ой! - взмахнул руками мужичок. - Кому добрый день,... А вы далече? - неожиданно спросил он. - Издалека, видать?

- В Красноуральск я. - Издалека, из самой Сибири.

Да-а-а! - так, вот я и говорю, спохватился он, - кому добрый день, а кто уже и по заднице успел схлопотать. Вон кобыла стоит. Ведь думал же купить мациклет "ИЖ". И сена не нужно, и хлева не нужно - стой себе и дожидайся хозяина. Сел - поехал куды надо. А с другого конца: мациклет - оно-то хорошо, но опять же, бензин нужен, а с им сейчас тяжеловато. Не купишь. Да и мациклет поломаться может. Вот я думал и так, и эдак, и решил купить кобылу - все ж гужевой транспорт, да и корм под ногами. К тому же живая скотина, и посудачить можно - все ж веселей, когда из села сюды едешь. А ежели когда за сеном или за дровами - опять же выгода. На мациклете-то сена не привезешь, за дровами не съездишь. Чуешь куда я? Во-о!

Он задумался, потом громко высморкался и продолжил:

- Кобыла-то хорошо, но она - скотина неразумная, сегодня меня так под зад лягнула, под самый этот - ну кобчик который. Вот тут! - жалостно произнес он, встал, повернулся своим ватным задом и показал куда лягнула его неразумная кобыла.

- Вот сюды, ка-а-ак лягнёт из под низу в

самый кобчик, так у меня чуть глаза с другой стороны не повылезали. Аж сумерки в них наступили и звезды посыпались. До сих пор болит, - пожаловался он, потер рукой в месте кобчика, и тут же спросил: - видите куда?

- Да, серьезное место, - сочувствую ему. - Видно что-то не понравилось кобыле.

- Неразумная еще, не все команды понимает. Я ей одно, а, она - скотина, по-своему, все норовит мне свой нрав показать и ждет, когда я ее к этой матери пошлю. то ей как лексир на душу. Гонору-то еще от рошлого хозяина - Гришки Кубышкина - осталось. Каков хозяин – такова и скотина. Он ее русскому мату обучил. Каждую его команду с полуслова понимала. Без твою мать она и с места не сдвинется. Загляденье было нашим мужикам, вот я и позарилси на нее. Подумал: вот дрессированная скотина - лучше мациклета! А не допер, что и мне с ею нужно на матерном языке разговаривать. А срамно ведь перед людьми материться, особенно тута - в городе. С тех пор один срам от нее терплю. Продать ее что-ли к едрёной Фене? Как бы вы посоветовали? - обратился он. Я смотрю вы человек тово, - ученый видно, наукам обучены... А то я пока лишения от её всякие терплю.

- Тут вот подъехал я к магазину, чтобы продукты купить, поставил, значит ее, а сам

пошел в магазин. Купил что баба заказывала, выхожу, сложил на телегу и решил осмотр технический у телеги произвести. Нагнулся я, значит, чтобы колесо посмотреть - что-то ходуном ходит, а сам к ей задом развернулся и разговариваю с ею. Вот тут она меня и поддела. Ка-а-ак врежет задним копытом. Я тут так и присел. В глазах помутнение, сумерки. От боли ничего не вижу. Привстал все же потом – после звездопаду-то, кой-как приспособился на дрожках, дернул за узды и покрыл её всю отборным матом с хвоста по гриву. Так она аж вприпрыжку, стерва, сюды домчала. Тут хоть с людьми поговорить можно. А она ведь, зверюга, нормальных слов не понимает: хоть говори ей, хоть не говори . . .

– Вопрос, конечно, философский. - Ну что вам посоветовать? Оно, конечно, решать вам, но в деревне с гужевым транспортом как-то поспокойнее . Попробуйте ее научить нормальным командам - без мата. А в ваших краях, по всей видимости, весной и осенью на мотоцикле не особенно раскатаешься.

– Так и я вот говорю: мациклет - он, конечно, машина не хреновая, но опять же, куды с ним по такой непогоде? А с кобылой-то можно и по непогоде, да и корм бесплатный, но с другого конца, - ее, стерву, еще переучивать надо. А ежели в ейной башке эта дурь крепко засела, тоды как? Во! Видали,

задача-то какая? Филосо-о-фия!

В этот момент дверь в автовокзал со скрипом отворилась и вошла женщина с девочкой. По внешнему виду можно было предположить, что эта женщина - выходец с Кавказа, и, скорее всего осетинка. Они молча сели напротив нас и, как истинно кавказские женщины, внешним видом дали понять, что с ними лучше не заговаривать. Потом мать о чем-то спросила дочь, упомянув город Орджоникидзе, что подтвердило предположение об их кавказском происхождении. Но мой собеседник не знал всех особенностей и тонкостей Кавказа, особенно в том плане, что там не принято женщинам заговаривать с незнакомыми мужчинами. Видя новых слушателей и мою неактивность в разговоре, и решив, что его вопрос лучше разрешить коллегиально, он обратился к вошедшим:

- То же на автобус? Так он же еще не скоро будет. А вы, видать, не нашенькие?

Женщина и ее дочь продолжали молчать. Тогда он подсел к ним ближе и продолжил:

- А меня тут кобыла по заднице лягнула, аж под самый кобчик – вон за окном, стерва, стоит... - Я говорю, что кобыла меня под самый кобчик..., - повторил он, решив, что женщины его не расслышали.

В ответ полное молчание. Тогда он встал и повернулся к женщине своим ватным задом и

показал куда его лягнула кобыла, погладив это место рукой. Женщина фыркнув, отвернулась, что-то буркнув на своем языке. А мужичок, не обращая внимание на реакцию женщины, продолжал жаловаться, поглаживая пострадавшее от кобылы место:

- Болит до сих пор. Звезданула от души. Вот я и не знаю после этого, продавать ли кобылу, али мациклет купить? Заехал тут посоветоваться с людьми. Вот и этот товарищ говорит, что кобыла вроде бы для деревни лучше. А вы как думаете? А? - Она ведь у меня только мат и понимает. Что же мне теперь - с ею срамиться перед людьми в городе? Как, вот с ею разговаривать, чтобы она мои команды осознала? По культурному она не понимает, лягается, стерва парнокопытная.

Женщина с девочкой пересели на другое место, а в помещение автовокзала вошел пенсионного возраста старичок.

- Здравствуйте вам! Автобус скоро будет? - обратился он к присутствующим, и сел на место, где сидела женщина с девочкой.

- День добрый, мил человек! - обрадовано ответил наш мужичок. Автобус, видать, скоро уже будет, вот и народ уже помаленьку собирается ... А меня сегодня моя кобыла вот сюды, - он показал заветное место, куда неразумная кобыла нанесла несанкционированный удар задней конечностью,

- аж под самый кобчик так лягнула, что чуть глаза не повылазили . Вот и не знаю: продать ее и купить мациклет, али еще повременить, может еще остепенится? Как вы мыслите? - обратился он к пенсионеру. Я гляжу вы человек с опытом....

Старичок важно надулся и стал участно подробно объяснять все плюсы и минусы обоих вариантов. А мужичок то и дело вставал и, жалуясь на свою неразумную скотину, показывал пенсионеру свое оскорбленное копытом кобылы место.

Вскоре помещение вокзала заполнилось пассажирами, и открылась касса. К этому времени все собравшиеся знали историю мужичка. Последняя его фраза, которую удалось услышать, и, которую он предназначал уже четвертому слушателю своей истории, была такой:

- Вот и я думаю, что, хоть кобыла и дура, без мата и шагу не сделает и лягается куды ни попадя, а все ж гужевой транспорт и без нее в деревне не обойтись. А мациклет - хоть и машина, а капризней все ж кобылы. Нет, я пока погоду ее продавать.

Когда все пассажиры стали садиться в подошедший автобус, мужичок вышел вслед за всеми, подошел к своей непутевой кобыле и прямо в ухо стал ей что-то нашептывать. Кобыла, мотнув головой, молча сдвинулась с места, а мужичок на ходу вскочил на телегу и

стеганул кобылу по крупу. Вскоре они скрылись из виду, оставив всем пассажирам хорошее настроение.

НАУЧНЫЙ РАЗГОВОР

После бурных дебатов в купе вновь воцарилась подозрительная тишина. Все темы, особенно политические и житейские, да и просто ни о чем, были уже обговорены. "Новые интуристы", несколько обмякшие и уставшие от практически бесплодных разговоров, теперь сидели молча и думали каждый о своем. "Новыми" их сделали в один момент "лесные братья" - после "развода" бывших братских республик. Теперь, в отличии от западных интуристов, они с баулами, чемоданами, мешками и замысловатыми узлами по старой советской привычке продолжали ездить друг к другу в гости, в одночасье оказавшись по разные стороны границы. А порою колесили "за границу" в качестве челноков, платя теперь мзду проводникам и таможенникам, проклиная "дурацкие" законы и сожалея, что жаловаться ныне некому... Менталитет, как говорится, есть менталитет. Его так сразу не переделаешь и не отменишь вместе с бывшими законами.

В Харькове к нам в купе подсел хохол, а в Славянске присоединился и русский. Перед дорогой он немного перебрал, очевидно по

привычке желая себе приятного пути. После последнего напутствия провожавшей его жене - чтоб ни с кем не путалась, он ввалился к нам в купе, сказав, что он тоже россиянин, но еще до "развода" республик перебрался на Украину - из-за жены. Подсев к нам, предложил:

- Мужики, мы же славяне, давайте-ка раздавим бутылочку, что бы дорога была нам скатертью.

Отвечаю ему, что ты ведь уже и так раздавил, да похоже, что и не одну. Куда еще?

- Хорошо, - соглашается он, - тогда давай побеседуем, мужики, , страсть как люблю поговорить. - Вот скажи мне, - обратился он к сидящему по правую руку хохлу, - что сделали эти козлы в Киеве и Москве?

Хохол молча махнул рукой, продолжали молчать и остальные. Видя, что у спутников нет желания говорить на эту тему - все уже обговорено, он продолжил:

- Тогда, давай с другого конца. Давай про историю. Кто знает историю? Я страсть как люблю ис-исторические книжки читать,- с глубокой икотой выдавил он из себя. Это наука, мужики! Не каждому дано...

На это предложение ответил украинец. Тема была новой и он еще не успел наговориться.

- Давай про историю, дюже нравится мне эта тема. Мы – хохлы - дюже любознательные, в

отличии от вас москалей.

Заспорили кто лучше знает историю. Начали с Москвы. Русский стал убеждать, что "Москва" - по одной версии значит медведь. Я подтвердил.

- Ну-у-у! - Та ж свита, та не так пошита, - возмутился хохол, используя русские и украинские слова. Москва - це тому, що она на самой реке Москва стоит.

- А-а-а! - Не знаешь! Лю-бой ду-рак тебе так ответит, а ты в ко-о-рень-то, в ко-о-рень смотри! - с видом победителя, подняв вверх палец произнес русский.

Хохол насупился, молчит. Потом спохватившись, пошел в атаку:

- А скажи-ка мне, любезнейший москаль, сколько памятников при жизни было поставлено Юрию Гагарину, коли ты такой знавец истории?

Русский задумался, почесал Затылок и с видом знатока отвечает

- На родине - в Гагарине, в Курской области...

- А вот и ни! - Злорадствует хохол. - Один из них установил М.Шолохов на свои гроши. Х-м-м! - Я ж працювал у Шолохова шохфёром. А всего было установлено тильки два памятника.... Вот так! Я и не про такое знаю, - гордо выпятив грудь, - добавил хохол. Це ж, наука! Хоч гопки скачи, а я ж тоже освичений та

маю тямю.

Русский опять Задумался, поддетый так ловко, а потом спрашивает:

- А на каком языке, по другой версии, Москва - Значит болотистое место?

Хохол насупился.

- Не знаю! Но Знаю, що Русь с Киива пишла! ...

- А-а-а! - злорадствует русский, - не знаешь! Не постиг ты еще этой науки! Тут, брат, мозги нужны, уровень.... И еще этот, ну как его? - Ну да, ин-те-ллект! Нужно уметь разбираться в тонкостях истории, понимаешь. Знать ее все вихляния и даже мелочи. Я, к примеру, имею образование. Ты не смотри, что я немного того ... Я техникум закончил. Меня на работе уважают. Говорят, что наш Семён, - это я Семён, - про всё знает! Без ложной скромности. Ей-бо, мужики. Так оно и есть. Б., буду, - матерно побожился он.

- Ты так?!, - вспыхивает хохол. - А скажи-ка мне тогда, сколько техники было у Шолохова, коли ты такой знавец истории?

Русский ведет плечами, икает от неожиданного вопроса, и говорит:

- Сколько техники, сколько техники!? - А хрен знает сколько её у него было. Ты ещё спроси что он кушал. Это, - вода из стороны в сторону высоко поднятым пальцем, - к истории не относится и это не научный разговор! - с достоинством и видом знатока ответил

русский.... Не те ак-се-ссу-ары!...

На этом их научный спор на исторические темы закончился и они молча, с обидой глядя друг на друга, что не удалось убедить противника такими мощными научными аргументами, ехали до следующей станции, где хохол сошел, даже не попрощавшись.

Воистину неистребима тяга к знаниям у наших народов и страсть поспорить. И спорят же, порою не слушая друг друга. А главное, это всегда спор двух братьев, каждый из которых не хочет остаться в накладе, не уступить. Корни-то одни, а называются теперь они по-разному.

КЛИЗМА

В купе было весело. Мои соседи - чеченец Рамиз из под Моздока и его соседи - челноки, - всю дорогу рассказывали о чем-то смешном, что случилось с ними в дороге. Хохотали до упаду. Но когда коснулись медицинской темы, то Рамиз стал серьезным и сказал с сильным кавказским акцентом:

- Ви дажи нэ представляете как я опозорился из-за этой медицины. Такой позор нэ испытывал дажи мой дэдушка, когда ему вырезали аппендицит. Мы притихли...

Здесь следует несколько отвлечься от темы и отметить, что контакты с разными людьми и личные наблюдения показывают, что в каждом

народе есть свой "дед Щукарь", который вносит в менталитет народа что-то особенное, веселое, несмотря на свою, порою комичность или неудачливость в жизни, но в то же время какую-то парадоксальную жизнеутверждающую силу. Ведь, как известно, юмор - один из целительных источников, особенно в смутные времена.

Итак, Рамиз продолжал.

- Ви же знаете, что ми - чеченцы - ничего нэ боимся. Нэ знаю что я покушал, но у меня сильно заболел живот, наверное желудок. Меня положили в больницу. Лэжу один, второй дэнь, пью таблэтки, дажи стало немного лучше, но врач говорит, что нужно хорошо промыть желудок, а для этого нужно поставить клизму. Что такое клизма, - я тогда нэ знал, но знал, что такое поставить уколы. Подумал, что клизма - это что-то, как уколы. Я ведь здоровый как бик. А уколы, ви сами понимаете - это совсем не страшно для настоящего джигита, тэм более истинного вайнаха.

Слушай, что било далее-да. Эту проклятую клизму назначили на слэдующее утро.

Утром к нам в палату пришла мэдээстра, такая красавица, молодая, совсем дэвушка, и спросила: "Кому первому поставить клизму?"

- А-а-а! - Слушай, подумал я, - что нэ джигит что ли я, чтобы бояться какого-то укола, и сказал ей, что я могу быть первым. Нэ знаю пачэму, но все в палате стали тихонько

хихикаться, а мне ничего нэ сказали о том, как делают эту клизму. Что за народ пошел, слушай!?

Мэдсэстра повела меня в свой кабинет, он называется процедурная.

А! Слушай, правильно назвали-да, - совсем дурной кабынэт. Она мене сказала, чтобы я спустил штаны и лег на топчан. А, слушай, мне никогда, ни одна дэвочка нэ говорила такое: снимай штаны. Я сам говорил об этом том. Но что делать, здэс больница. Я поморщился, стало стыдно, но штаны все-же спустил. Думаю: может бить хочет что-то посмотреть - доктур ведь. Вдруг какой-нибудь аппендецит-маппендецит. К тому же одна и совсем молоденькая-да.

У Рамиза загорелись глазки, видимо от приятных воспоминаний. Потом он продолжил:

- Вай-вай, что било дальше. Потом она стала меня инструктировать:

смотри, - говорит, - как только почувствуешь, что тэбе становится холодно, озноб будет, ти сразу скажи мне.

- Нет, ты послушай, кому это она говорит? Разве нэ видит, что перед ней настоящий мужчина? Вай!...- возмущенно жестикулируя руками и чуть ли не захлебываясь от собственного достоинства, он пытался передать нам свое состояние. Потом, немного успокоившись, продолжил:

- А сама набрала болшую такую из резины, с

такой черной трубочкой - теперь знаю, что она клизмой называется. Потом, о, Аллах! - ко всеобщему моему позору всунула эту черную трубку в самое мое позорное место. Вай-вай, думаю, - куда я попал. Но все равно лэжу тихо. Что я, - нэ джигит что ли, чтобы при первой боли перед дэвушкой жаловаться? Лэжу и терплю такое унижение для джигита. А она мне говорит:

- Вам нэ холодно? - Таким тонэньким голосом спрашивает, а сама - вливает в меня вторую клизму.

- А-а-а! - слюшай, нет, дэвочка, - говорю ей. А сам чувствую, что постэпенно становится холодно в животе. Но я нэ мог показать свою слабость перед какой-то мэдсестрой!

- Терплю и лежу! Тогда она вливает в меня третью клизму. Слушай, три клизмы! Ты понимаишь-да?! А потом опять спрашивает:

- Молодой чаловек, вам дэйствиельно нэ холодно? Как будто бы нэ знает, что человек нэ радиатор, в который можно заливать целое ведро воды.

- А-а-а! - слюшай, еле говорю ей, - уже совсэм холодно. У меня уже зубы стучат, говорить нэ могу. Скажи ради Аллаха, что дальше, делать дэвочка? Ти знаешь что она мне ответила? - Нэт?

- Она мне сказала:

- А теперь быстрее на горшок! - как будто бы нэ видит, что мне даже встать трудно.

- Слушай, гдэ он? - спрашиваю ее, а сам уже потерял всякое терпение. Живот вот-вот лопнет, - чуть ли не плача рассказывает он нам.

- В конце коридора, - отвечает она мне. Там туалет для больных.

Я посмотрел: вах-вах! Этот туалет находится в 50 метрах от этой процедурной. Я вскочил с топчана, но тут, как нарочно, эта предательская струя, как шампанское из бутылки вискочила из меня и стала поливать коридор тем, что я два дня назад кушал. Вай-вай, какой позор потерпел я тогда. Со спущенными штанами я пробежал эти проклятые пятьдесят метров, сдерживая на ходу рукой и пытаясь заткнуть пальцем эту предательскую струю, так унизившую достоинство настоящего вайнаха. Но скажи, чем я смог прогневить Аллаха? Я сам нэ знаю. Обидно-да! Но когда я добежал до очка, и с ходу сел на нэго, вот тут, как назло, все кончилось. Вы даже нэ представляете что я чувствовал. Из-за такого позора я в тот же день сбежал вечером из больницы. Теперь я знаю, что значит "поставить клизму", - будь она нэладна.

НА МУРОМСКОЙ ДОРОГЕ...

Жизненный опыт показывает, что, если что-то не удастся сразу, лучше отложить это на время. Надо было и в тот раз поступить согласно этому мудрому правилу. Отправка

автобуса "Н.Новгород-Муром" была задержана на некоторое время. Диспетчер объяснил тем, что "Икарус", на котором должны везти пассажиров, неисправен, поэтому придется немного подождать.

Наконец-то подошел долгожданный автобус. Пассажиры быстро заполнили салон. Вместе с водителем в рейс отправлялся его помощник - очень полный и грузный, добродушный дядечка. В связи с тем, что мое место было рядом с водительским, всю дорогу пришлось быть свидетелем диалога водителя с помощником.

- Слышь, дядя Юра, а ты раньше с кем в рейсы ходил? - спросил водитель помощника. - Автобус-то нам дали "латанный-перелатанный".

- Да с Григорием. Скользкий он мужик, ненадежный.- ответил дядя Юра.

- Да, я слышал про него. Не-е-е, с ним я бы ни в жисть не поехал бы. С ним, говорят, каши не сварить, Да и жадюга, говорят, он порядочный.

- И не говори, я с ним больше не поеду. Я лучше с тобой буду ездить.

- Ну, что ж, дядь Юр, мне с вами сподручнее.

- А ты Серегу с "Белазы" знаешь, Семен? - Вот спорщик, а главное из себя такого знатока строит, хотя знает куда меньше моего. А как-то я у него десятку просил в займы, так не дал же,

сволочь. Если не знаешь ни хрена, так чё ты споришь? - Правильно я говорю? - Семен, а?

- Да, Серега - парень с гнильцой, жмот. Я с ним пару раз спорил, так понял, что ни хрена он ни в чем не смыслит. Терпеть не могу таких спорщиков. Если не знаешь, - лучше не спорь, а признай, что тямю тут нету, - постучал Семен несколько раз по своей, отдающей глухим звоном, голове. Мозги еще иметь надо, они не каждому по плечу и не каждому даются.

- Да что он может знать? - возмущенно произнес дядя Юра, - что может он знать, например, почему кольца масло пропускают? Я ему одно, а он мне другое. Я на этих кольцах собаку съел. Скажу без ложной скромности, меня начальник цеха уважает, говорит, что без меня, как без рук. Да-а!

- Откуда ему знать, если он сам никогда двигатель-то не ремонтировал. Чтоб двигатель отремонтировать, его ж, как свою жинку знать надо, чтоб с закрытыми глазами каждую деталь ощущать. Я уже на этом, честно говорю, не одну собаку съел. Двигатель знаю, как "отче наш". Во! - похвастался дядя Юра.

- Чё-чё ты, дядя Юра, съел?

- Как чё? - собаку! Я в том смысле, что знаю его как - во, свои пять пальцев, - выпятив вперед свою ладонь-кувалду, - произнес дядя Юра.

- Вот к примеру, Семен, скажи, а почему двигатель "чихает", знаешь?

- А чё тут знать, - дядь Юр. Это ж элементарно. Я ...

- Нет-нет! - возразил дядя Юра. - Ты назови конкретные причины, аргументировано.

- А чё тут называть? - Ну, во-первых: раннее зажигание, не отрегулированы свечи...

- У-у-у! - Да и ты, оказывается, элементарных вещей не знаешь! - пропел с насмешкой дядя Юра. Это все ерунда. Не те причины называешь.

- Да как не те, дядь Юр, - возмутился Семен. Я даже экзамен сдавал, когда в Германии служил. Я ж отличник боевой и политической подготовки....

- Так ты тот экзамен забудь. А проще скажи, что ты не-е-е зна-а-а-ешь! И точка!... А то начинаешь вилять мозгами, как старая бабка задом перед молодым попом.

- Как не знаю? - Я все знаю, - дядь Юр. - Я ж чуть ли не потомственный шофер... А в армии я с закрытыми глазами разбирал автомат Калашникова....Я ж отличник по стрельбе... Ты, дядь Юр, стрелял из автомата Калашникова?

- У-у-у! - И понесло же тебя. - Да ты, парень, и спорить-то не умеешь. Причем тут автомат. Я, к примеру, стрелял из ППШ. Знаешь что это такое? Во-о-от! Из Калашникова стрелял, а почему двигатель "чихает" - не

знаешь. Не знаешь, так и скажи. А зачем мозги мне пудрить про автомат.... Я может тот автомат по телевизору только и видел, и об этом прямо говорю.

- Да я не пудрю, дядь Юр, я ж знаю, что "чихает он еще и от того, что не тот бензин, я ж практик, отличник, с закрытыми глазами автомат...

- Тю-ю-! Ну совсем понесло тебя: практик, отличник, спортсменка, комсомолка... Наверное и отличник ты такой же липовый. Теорию-то ты совсем не знаешь. Не-е зна-а-ешь! Не знаешь, - так и скажи: не знаю! А то автомат, да закрытыми.. , - съязвил дядя Юра, - ты это своей бабе или любовнице будешь рассказывать...

В салоне автобуса все стали пристально следить за спором. Впереди сидящая украинка хохотала над спорщиками до слез. Дядя Юра чувствовал себя победителем. От гордости и собственного достоинства его живот важно округлился, и он еще громче, чтобы слышали все, повторил свойвопрос:

- Так ты так и не вспомнил, если знал, отчего же "чихает" двигатель? - Не! Не знаешь ты, брат, совершенно теории. Не знаешь! Поражаюсь, я чему это вас в армии, да на курсах учили, если таких простых вещей не знаешь. Я бы не доверил тебе автобус с людьми, не доверил, не обижайся, Семен, но я бы не доверил,

не-е, ей-богу не доверил бы.

- Да я знаю..., - стал доказывать Семен, ударяя себя в грудь кулаком. Падла буду, знаю... Если бы я знал, что вы такой спорщик, дядь Юр, я бы не взял вас напарником в поездку. Я б лучше с Григорием поехал, хоть он и прижимистый мужик, дерьмо. Но он не спорит со мной, знает о моем авторитете знатока в гараже.

В это время задний скат, издав оглушительный хлопок, осел так, что автобус чуточку завалился на правый бок.

- Прие-е-хали! Похоже, что баллон лопнул. Вот невезуха. А все это от того, что с тобой поехал. Занудный ты мужик. И спорить не умеешь, и споришь о том, чего не знаешь. Нет, не поеду больше с тобой, Семен...

- Вот теперь вы оба сможете соединить теорию с практикой, - съязвила веселая украинка.

Дядя Юра неохотно стал натягивать на себя рабочий комбинезон, но пуговицы на его животе ни как не застегивались. Плюнув на них, помощник вышел из автобуса с расстегнутой ширинкой и хотел было подлезть под автобус, но не тут-то было: живот не позволил ему этот сделать и дядя Юра застрял в позе мусульманина, совершающего намаз.

- Семен! А, Семен!, - взмолился дядя Юра, - там в багажнике домкрат, возьми его и чуточку

подними автобус, - кряхтя из под автобуса, просил о помощи дядя Юра.

- Счас, дядь Юр, - ответил Семен, и побежал к багажнику. Там он быстро нашел домкрат и потом, установив его, стал поднимать автобус, освобождая дядю Юру из автобусного плена. Когда тот освободился, он пролез к баллону и быстро извлек его из под автобуса.

- Все, Семен, приехали. Баллон лопнул. Там багажнике есть запаска, правда уже клеенная. Я сейчас быстро поменяю.

Пассажиры, видя, что есть свободное время, разбрелись по кустам по естественной надобности осмотреть и пометить местные достопримечательности. В это время дядя Юра, сопя и пыхтя, как паровоз, менял баллон.

- Это тебе, дядя Юра, не из ППШ стрелять и не экзаменовать знающих людей перед пассажирами.

- Ну и занудный ты мужик, Семен. А все ж не знаешь, почему двигатель чихает, потому как нет у тебя хорошей теоретической подготовки. Ты все по верхам,... отличник боевой и политической подготовки...

Вскоре баллон был заменен и пассажиры, оправившись от легкого стресса, отправились далее по маршруту. Примерно через полчаса вновь лопнул клеенный баллон. И вновь дядя Юра, проклиная эту поездку, поджимая свой

живот, полез по автобус. Затем он целый час его клеил. Теория на глазах воплощалась в практику, а практика торжествовала над теорией. Пассажиры вновь изучали местные достопримечательности, а потом прыгали вокруг автобуса по муромской дороге, чтобы согреться. А кто-то даже мурлыкал под нос песню "На муромской дороге..", досочинив экспромтом свои слова: "На муромской дороге стоял автобус наш, прощался Семен с Юрой, а с ним и весь гараж...". Роковая дорога. Вот и в этот раз кто-то в Муроме не дожидается любимого или любимой из-за какого-то баллона! Нет, надо было отложить поездку. Народная примета верна.

Подъезжая уже к Мурому, дядя Юра решил взять реванш и показать Семену кто - есть кто. Набрав полную грудь воздуха, он с видом полным достоинства лауреата Нобелевской премии продекламировал:

- Итак, Семен, констатируем неоспоримый научный факт, что ты слаб в теории. Ты не знаешь почему двигатель осуществляет "чих", хотя и являешься отличником боевой и политической подготовки, держал в руках, а может быть и стрелял из всемирно известного автомата Калашникова. - Слушай внимательно и передай своим детям и внукам: Дви-га-те-ль "чи-ха-ет" не по-то-му, что!- он поднял высоко свой палец и обернулся к пассажирам, - что

раннее зажигание или еще что, - он сделал паузу и продолжил, - а по-то-му, ч-то в не-го по-да-ет-ся о-бед-нен-ная топливная смесь и больше ни хрена!!!. Семен был повержен в глазах пассажиров и оставшуюся часть пути к Мурому он не произнес ни слова.

120 децибел

Получил наш завлаб задание от директора проверить уровень вибрации на рабочих местах в деревообрабатывающем цехе. Что ж, завлабу и самому это интересно. Очень быстро вместе с лаборантом он провел необходимые замеры. Но, проходя мимо конструкторского отдела, решил заглянуть в него и проверить "уровень вибрации" на рабочих местах инженерно-технических работников, у которых рабочий станок - стол или кульман. Человек он с юмором и иной раз не прочь подурачиться...

- Товарищи инженеры, согласно приказа директора, я обязан с моим лаборантом замерить уровень вибрации на ваших рабочих местах, - обратился завлаб к работникам отдела.

- А что мы должны делать? - слышалось в ответ. Это не вредно? Это не повлияет на организм? А за вредность будут платить?

- Как что? Выполнять наши команды, - ответил зав. лаб. - С кого начнем?

- Я, - вызвалась начальник отдела, пышная Изабелла Поликарповна. Скажите, пожалуйста, что я должна делать.

- Вы? - Ну, прежде всего покажите где ваше рабочее место, где вы сидите? - парировал завлаб., изображая лицо ответственного работника.

- Вот мое рабочее место, а вот стул, на котором я сижу, - с достоинством ответила самоотверженная начальница, готовая пожертвовать собой во имя расцвета науки.

- Та-а-а-к, - завлаб устанавливает датчик на рабочий стол, щелкает тумблерами прибора и многозначительно говорит: "На вашем рабочем столе минимум вибрации, допустимая доза. Можете спокойно работать".

- А на стуле? - недоуменно спрашивает Изабелла Поликарповна.

- На стуле? - Ах, да! Он устанавливает плоский датчик диаметром примерно 5 и высотой в 2 сантиметра на сиденье стула и приглашает начальницу сесть на него. Изабелла Поликарповна покрывает свои широким тазом датчик, словно слон Моську, и ждет.

- Вам удобно, не мешает? - спрашивает завлаб.

- Я его совершенно не чувствую, - мило отвечает Изабелла Поликарповна.

- Хорошо! Расслабьтесь.

Начальница, делая умиленное лицо, расслабляется, как бы погружаясь в nirvanу.

- Включаем прибор, - с умным видом произносит завлаб. Он щелкает тумблером и смотрит на неподвижную стрелку прибора, который стоял на столе и не был даже подключен к датчику. Но для несравненной Изабеллы Поликарповны, привыкшей выполнять распоряжения начальства, это не имело никакого значения. Раз приказали, значит начальство знает что измеряет. К тому же она верила в силу науки: измерять даже то, что недоступно...

- Так! У вас предельная доза, аж 120 децибел!

- Изабелла Поликарповна бледнеет и спрашивает о том, как это повлияет на ее драгоценное здоровье.

- Может повлиять, а может и не повлиять. Тут ведь все будет зависеть от ваших дэскриментов. Если крайние частоты вашего тела войдут в резонанс с частотным спектром вашего стула особенно по верхним гармоникам, то в итоге может быть профессиональное заболевание или, в лучшем случае, дестабилизация дэскриментов со спонтанным исходом наружу. Если наоборот, или со сдвигом фаз, то даже может быть и улучшение дэскриментов, - многозначительно, с видом профессора произнес завлаб. Затем он подошел ко второму столу, к третьему, четвертому...,проделав одну

и ту же операцию. Сотрудницы с огромной ответственностью покрывали своими широкими тазами маленький пяточок датчика, словно готовы были совершить подвиг во имя науки. Через полчаса уже все работники знали, сколько децибел на их рабочих столах и под их мягким местом, они наперебой рассказывали друг другу, что вот, мол, они что-то об этом читали, кто-то даже выдвигал свою научную версию наблюдаемому эффекту дестабилизации дэскриментов. Но главное - слава богу, что наконец-то руководство стало заботиться об их здоровье...

Вышедший в коридор завлаб безуспешно пытался сдерживать свой истерический хохот; слезы ручьем текли из его глаз. Лаборант хохотал до икоты. Нахохотавшись, они зашли в следующий кабинет. К вечеру уже все знали у кого сколько децибелов, сколько лишних или не хватает, и какие у кого дэскрименты.

Воистину, пока смеется наш народ, он не сдается ни в горе, ни в радости.

Где ось ствола?

- Клянусь мамой, ей-бог, честный слов, ребята, я все знал, а он мне один дурной вопрос задавал..., - доносились отрывочные фразы курсанта Мамедова. Он вполголоса рассказывал

однокурсникам, стоявшим рядом, очередную байку о своих учебных неудачах, и бурно при этом жестикулировал руками. Учился он слабо, но был рубаха-парень. В группе к нему относились очень хорошо, называя его Эльтончиком.

Занятия по материальной части артиллерии шли полным ходом. Куратор группы майор Шипулин рассказывал и показывал, как проверяют ось ствола после определенного количества выстрелов. Он подходил то к стволу гаубицы, то к казенной части, открывая ее, и при этом что-то настойчиво повторяя. Заметив бурно жестикулирующего рассказчика, майор Шипулин обратился к Мамедову:

- Курсант Мамедов! Доложите нам, как проверяется соосность ствола?

- Как ви сказали, товарищ майор, - осьность-да? - вопросом на вопрос ответил Мамедов.

- Т-а-а-к! Осьность, говорите? Чем вы слушаете, курсант Мамедов, ушами или задницей? - возмущается майор Шипулин. Тогда, ответьте, пожалуйста, что такое ось?

Мамедов подходит к гаубице, поворачивается к группе обступивших ее курсантов и, пока Шипулин смотрит в журнал, кивает всем: мол, подскажите, что такое ось. Все молчат в предвкушении очередной хохмы Мамедова.

- Не знаете! - отрываясь от журнала, произносит майор Шипулин. Тогда объясните что такое траектория полета снаряда?

- Траектория? - Мамедов делает удивленное лицо, глаза его округляются, словно у кота Васьки, которому вместо живой мышки подсунули плюшевую мышку.

- Траектория, товарищ майор, это такая траектория, которая.... Товарищ майор,.... Снаряд летит да..., - бубнит Мамедов.

- Значит, снаряд летит, - повторяет майор, - и что?

- Как что, товарищ майор, летит и траекторит-да... А что ему еще делать? Он ведь из гаубицы вылетел!

- Не знаете! Меня не слушаете и много разговариваете на занятиях. Попробуйте своими словами рассказать, не давая точного определения, что такое траектория? - отрубил майор Шипулин.

Мамедов молчит и ждет подсказки. Все молчат, лишь стоящий рядом Вакуров подсказывает: «Идиот, это - воображаемая линия...».

- А-а-а! Знаю, товарищ майор, этот идиот снаряд летит, и что-то себе воображает, наверное, траекторию.

- Курсант Мамедов, ах, курсант Мамедов, сколько раз я уже объяснял, что траектория - это

воображаемая линия полета снаряда.
Представляете?

- Нет, товарищ майор, не представляю, как снаряд может воображать.

- Да не снаряд, а вы представляете себе воображаемую линию... Представьте себе, что летит комар и делает по-маленькому. Что вы увидите? - спрашивает майор.

- Ничего! - Комар по маленькому не делает, товарищ майор, тем более на лету - бодро отвечает Мамедов.

- Нет, вы только себе представьте.

- Не могу, потому что у него слишком маленький, этот... Вах! забыл. А-а-а! - мочевого пузырь.

- Повторяю еще раз для особо одаренных. Представьте себе, что летит бык, - не унимается майор.

- Разве бик может летать? - спрашивает Мамедов.

- Нет, но вы себе представьте, отвечает майор.

- Если бик, товарищ майор, будет летать и делать по маленькому, то будет целый дождь, поэтому бик не летает.

- Ну, все, курсант Мамедов, о вас все понятно. Покажите хотя бы где у ствола ось?

- Есть, товарищ майор! - Это - запросто-да.

Мамедов подходит к стволу и видит, что там почему-то к стволу крестом наклеена черная

нитка. Он посмотрел в ствол, - темно. Затем подошел к казенной части, открыл ее и посмотрел на просвет. Там также крестом были заклеены черные нитки. Мамедов стал внимательно всматриваться в ствол. Он вертел головой то влево, то вправо, нагибался, пытался что-то пощупать, но злосчастной оси там так и не увидел. Тогда он снова подошел к стволу и заглянул в него. В стволе было пусто. Интуиция на этот раз подсказывала ему, что ось, по всей видимости, из ствола убрали или сперли. Испарина покрыла его небольшой, густо покрытый пышной шевелюрой лоб.

- Так, где же у ствола ось, курсант Мамедов?
- многозначительно задает вопрос Шипулин.

Мамедов вновь заглядывает сначала со стороны ствола, а затем и казенной части, сверля пристальным взглядом пространство ствола. Не найдя там злополучной оси, он, недоуменно пожимая плечами, а затем его словно насквозь пронизывает, как кумулятивный снаряд танк, гениальная мысль, и он отвечает:

- Товарищ майор, нет оси!!! Клянусь мамой,
- совсем нет ни какой оси. Я же говорил вам.
Наверное, ее кто-то спёр. Клянусь мамой!...

Воронья слободка

Большой город - это своеобразная шкала контрастов. Здесь богатство соседствует с нищетой, гениальность - с глупостью, безысходность с многообещающими перспективами. Красноярск в этом аспекте - не исключение. Город контрастов.

Пятиэтажное семейное общежитие одного из крупнейших заводов города, внешне ничем не примечательное, поглощало отвергнутых и "безнадежных", как Панас галушки. Оно было выполнено в виде типовой коробки: два подъезда и стены с огромным количеством амбразуropодобных окон, из которых висело огромное количество авосек с продуктами в стиле "и у нас есть что есть".

В общежитии, как в хранилище, была упакована почти сотня обычных судеб семей работников этого завода. Среди жителей этой клоаки пятый этаж имел особое название - "Воронья слободка". Ее обитатели - рабочие, живущие от полочки до полочки, бывшие ИТРовцы, бичи и бывшие десантники, пропившие почти все, не работавшие нигде, и каким-то образом удержавшиеся в ведомственной общежитии, бурно влачили свое жалкое существование

за счет помоек и прочих окрестных достопримечательностей этого богатого и непричесанного архитекторами города. Но главное, около помоек всегда можно было собрать бутылки, ибо жители города уважали традиции и зеленого змия. Как в сказке о неразменном рубле, здесь достаточно было собрать и сдать бутылки, чтобы купить новые, затем пропить и снова сдать их, соблюдая законы сохранения и дособрав необходимое и достаточное количество до константы, т.е. чтобы на троих было всегда три рубля.

Аборигены Вороньей слободки давно потеряли всякие надежды на получение своей квартиры, а потому жили в своем виртуальном мире и любое нарушение привычного ритма, воспринималось ими как долгожданный прилет инопланетян к землянам, с которыми быстро устанавливался контакт, и, которые с первых дней своего пребывания в "Вороньей слободке" тестировались на благонадежность несколькими простыми, как сибирские валенки вопросами: «С нами бушь? - Не? Тады займи трояк до завтра!"

Так случилось, что в начале самого холодного времени - в феврале пришлось срочно менять квартиру. На все поиски

было всего пару дней, а потом нужно было ехать в командировку на пару недель с заездом к научному руководителю в Новосибирск. Через знакомого удалось узнать, что в общежитии есть пустая, без особых удобств комната его знакомых, которые за 40 рублей в месяц могли бы ее сдать. Сорок рублей - это почти половина аспирантской стипендии 86 рублей. Одиннадцать рублей в Томск туда и одиннадцать обратно, в Новосибирск туда и обратно 28 в месяц. Благо на полставки работал в п/я, где платили 60 рублей. Но делать нечего: битие бытия без лишних эмоций определяло сознание. В тот же день перевез свои пожитки и спортивную раскладушку, пишущую машинку, чемодан с одеждой, 19 связок с книгами и папками с рабочими материалами, складные полки и пару ящичков с набором инструментов и разных заготовок. Перевез, протестировался и в тот же вечер уехал в командировку.

После возвращения из командировки сразу же обустроил комнату, осмотрелся. Особенно понравился вид из окна: четко, как в телевизре, сквозь стекло был виден городской трамплин и покрытые снегом сады. Но любоваться достопримечатель-

ностями было некогда - нужно было бежать в лабораторию, после которой возвращался уже в темное время. Поработав до часа ночи, разложил свою спортивную раскладушку, застелив ее простыней, т.к. не было матраца, да и чтобы не расслабляться, положив подушку и сварганив из одеяла спальный мешок, крепко уснул. Утром не хотелось вставать - бодрящая холодина со всех сторон шептала на ухо, - "ну полежи еще немного", а сознание давало установку: «Не расслабляйся, часы аспирантские тикают, как таймер в адской машине...». Профукал - взорвался.

По армейской привычке, как автомат Калашникова, выскочил из мешка и через полчаса уже бежал на троллейбусную остановку.

На следующий день все вновь повторилось. Но ночью был сильный мороз, да такой, что в комнате пахло законной свежестью. Пришлось встать намного раньше, и когда показалось яркое зимнее солнышко, решил полюбоваться видами из окна.

Вновь поразила чистота изображения вида из окна. Опустил чертежную доску, которая была прикручена на петлях к

подоконнику, и подошел к окну. Вид был потрясающий, от которого несло бодрящей свежестью и какой-то внутренней радостью. Хорошо-то как!.. И до того залюбовался, что инстинктивно голова стала поворачиваться то влево, то вправо, чтобы обозреть всю живописную картину.

- Лепота! - Хоть комната и неприглядная, без удобств, но вид-то, вид-то какой. Картины бы писать... Хоть в этом повезло, - само-собой вырвалось вслух. Но подсознание тут-же по обратной связи подсказало: "Что ты башку свою из окна высовываешь, не ровен час стекла ею пробьешь".

О мама-мия! Меня как холодной водой обдало: стекла-то в окне нет! Это я двое суток с разбитым окном. Вот откуда этот жуткий холод при раскаленных батареях. А все привычка - сразу снимать в комнате свои очки и не обращать на бытовые неудобства.

Через десять минут вместо стекол на кнопках прикрепил двойной слой тушевой кальки и уже через полчаса в комнате был «ташкент».

Ночи, надо сказать, в Вороньей слободке проходили бурно, и не только в "научных" дебатах на кухне,

расположенной против моей двери, но и в непрерывных поисках "горючего" его утилизаторами, которые поглощали ее, как черная дыра материю. После научных споров на кухне с полком, как правило, летела всякая утварь, а оппоненту дружно били морду, если последний не находил убедительных научных аргументов на возражения большинства. Например, после спора на тему: «Что будет с трудящимися, если Горбачев вырубит все виноградники, что народ пить-то будет?», - соседу Коляну, несмотря на то, что он занял у меня для общины три рубля, подбили глаз так, что он без повязки смотрелся адмиралом Нельсоном. А пострадал всего-то - за логику, которой он привык строго следовать: во-первых, Горбачева на всех виноградников не хватит, а во-вторых, его к тому времени уже скинут. После бурных дебатов дружно добивали оппонента, допивали все, что было и дружно расползались по своим коморкам.

Шума в слободке не любили: я был сразу предупрежден, чтобы после семи вечера не печатал на своей машинке, ибо после рабочего дня рабочему классу нужно сосредоточиться, интеллектуально отдохнуть в тишине, посмотреть телевизор,

расслабиться и подготовиться к следующему рабочему дню, а машинка их "долбает по мозгам", особенно того, у кого они есть.

Слышимость, надо сказать, была отменная - перегородки между комнатами деревянные, поэтому в каждой комнате было слышно все, что делалось в остальных пяти.

Третья ночь началась тем, что все мое тело охватил какой-то зуд, тело чесалось, появился какой-то неприятный запах. В два часа ночи пришлось встать и обнаружить, что вся моя простыня была в кровавых пятнах, а тело расчесано до крови. Неприятная мысль о возможной чесотке, которую негде даже было подхватить, не дала заснуть до утра. В лаборатории поделился сомнениями со своим коллегой аспирантом.

- Ба! Дак это-ж клопы, обыкновенные сибирские клопы. - Это чё, у вас на Кавказе их нет, что-ли?

- Да я и в глаза не видел что это за твари, - отвечаю ему. Тут-то он поведал жуткие истории про сибирских клопов. Нужно было принимать меры. С отравой для клопов в те времена всеобщего дефицита было туговато: на народ многого

чего не хватало, а тут еще на этих тварей тратиться. Пришлось придумывать различные зонтики, круги из порошка медного купороса, как в фильме про гоголевского Вия. Не знаю, помогало ли это травить их, но что меньше их стало - так это факт.

Каждый вечер аборигены слободки подносили "сюрпризы", причем настолько непрограммируемо.

Больше всех в слободке доставалась Коляну, которого постоянно за что-то били. Десантник по вечерам часто после бормотухи на нем показывал всем приемы, которым его обучили в армии. У него была одна большая извилина – от головы до бедер, поэтому его разговор был похож на отдельные команды.

Сосед справа не отличался уживчивым характером. Он был до помрачения ума занудой. Одну и ту же фразу после выпивки мог твердить в течение длительного времени. Вот и в этот раз, после того, как его сожительница целый день с Коляном беседовла за бутылочкой чернил, Семен, вернувшись с работы, обнаружил, что она уже не вяжет лыка. Не долго думая, Семен раздевает сожительницу до наряда Евы и выталкивает

за дверь, чем сразу привлек всех «любопытных» слободки. Ее обитатели выскочили из своих комнат и стали наблюдать лицедейство. Обнаженная "Маха", видя такое дело, начинает стучаться в пригревшую ее дверь со словами: «Сема, а Семен, - пусти ради бога. Стерва я, конечно, подзаборная, но с Колянком я ни-ни, тебе даже в мыслях не изменяла, потому как люблю тебя и только тебя, Сема, милый. А далее шел не передаваемый современным русским языком обвинительный текст в свой адрес.

- Уйди, стерва, потаскушка поганная, твою мать! Иди к совему Колянку и с ним,- ровно, с достоинством в голосе пел Семен.

- Пусти, Семен, а? Холодно ведь. Прости, любимый, я ведь не какая-нибудь б... или потаскушка, я порядочная женщина. Я тебе не изменяла с Николаем. Он ведь уже не может, ей-богу, у него от вина уже ничего не работает, пропил, гад, свое достоинство, а ведь мог бы. Я сама видела, что он не может.

- Уйди, стерва, потаскушка поганная, твою мать! Иди к совему Колянку и с ним ... Я те, что сказал?

- Уйди, стерва, потаскушка поганная, твою мать! Иди к совему Колянчу и с ним ..., - ровно и занудно, как испорченная пластинка, пел Семен.

Минут через сорок Семен сжалился и впустил блудницу и часа полтора читал ей мораль, как заезжанная пластинка.

Как-то к вечеру, когда еще не вся слободка успела вернуться в родные пенаты, сосед Николай решил принять душ после очередной дозы "чернил". Душ не был занят, а потому он что-то мурлыкая себе под нос, быстро занял "душевую" и начал процесс мытья собственного тела. Надо сказать, душ - это всего лишь бывший туалет, из которого убрали унитаз и подвели две трубы - холодную и горячую на уровне пупка, снабдив их общим смесителем и раковиной. Потом убрали раковину, а смеситель оставили на прежней высоте. Теперь, чтобы "принять душ", купающийся должен был встать на корточки и мыться в таком положении, иначе он вымывал бы только нижнюю часть тела.

Николай мылся и что-то по-прежнему мурлыкал себе под нос, не обратив внимания, что его мочалка закрыла отверстие слива и вода быстро зполнив

выполненный из кирпича бордюры, стала переливаться через него и заливать четвертый этаж.

Через минут двадцать в секцию стали стучать разъяренные жители комнаты, которая находилась под душем. Семен открыл защелку секции и мужчина с женщиной, кроя всех семиэтажным отборным матом, побежали к душевой и стали колотить по двери руками. Это были пострадавшие. Мужчина схватился за дверную ручку и силой рванул на себя. Дверь легко открылась, ибо не была заперта. Испуганный Николай, намыленный с ног до головы и стоявший на корточках в непотребной позе, направив свой зад на не прошеных посетителей, спросил: А вам чего? - Дверь закройте, дует ведь, не видите, что я тут купай-йюсь, с икотой произнес он, пытаясь развернуться головой к двери.

- А - а - а! купаешься, падла и не знаешь, что залил наш шифоньер с дорогой одеждой. А ну, давай иди, вытирай воду, и возмести нам ущерб.

- Да чего вы, ребята, у меня выпить-то не на что, а вы с меня гроши требуете. Я не виноват, я никого не заливал, будьте

человеками, дайте мне докупаться и одеться.

- Ах, докупаться, в морге тебя докупают и оденут, а сейчас ты, сволочь пьяная, пойдешь с нами и все вытрешь. Муж с женой схавитили Николая за ноги и стали вытягивать из душевой. Николай, вырываясь из их рук, вопил обреченно: " Чё вы делаете, сволочи? Чуть что, так сразу Николай! Что я вам, косой, что ли?". Он еще что-то мямлил про человечность, цепляясь за трубы, и минуты две не поддавался тянушим его за ноги пострадавшим. Наконец его вытянули из «душа» голого - в чем мама родила. Испуганное небритое лицо и мыльная пена на голове и на теле делали его подобным чучелу, покрытого снегом. Николай лягнул, как молодой жеребец пострадавшего и на коленях быстро прополз в кухню, сверкая своим мокрым задом, в котором слегка отражалась лампочка кухни, бурча при этом себе что-то под нос о своей несчастной судьбе. Ему бросили его трико и рубашку, которые он надел на голое тело и отправился, бурча, вместе с пострадавшими на четвертый этаж, где ему всучили тряпку, и он целый час все приводил в порядок. А вечером все обсуждали случившееся и

смеялись над Николаем. Мужик он был честный, но слабохарактерный и, действительно, несчастный. Это был единственный человек в слободке, у которого высшее образование оставило неизгладимые отпечатки нерастворенного еще алкоголем интеллекта. Он окончил институт, работал инженером-механиком, женился. Его жена после защиты диссертации «спуталась» с доцентом и ушла от Николая. Он запил, а потом устроился шоферить, но и здесь его карьера очень быстро закончилась, пришлось уйти и устроиться сторожем на заводе.

Каждый вечер «воронья слободка» преподносила «сюрпризы». Вот и новая ночь грозила быть беспокойной. К соседу Григорию пришла теща, чтобы поговорить как следует с гулящем зятем, который изменял ее Зинке и иногда прикладывал кулак. А в этот вечер несколько задержался и явился в слободку аж в 3 часа ночи, разбудив всех. Теща закрылась изнутри, заняв круговую оборону.

Григорий, еще находясь под хмельком, не долго думая, стал тарабанить в дверь и кричать, чтобы Зинка открыла дверь. Но в ход тут-же пошла тяжелая артиллерия.

- Ты, сволочь гулящая и ... далее непереводаемый на нормальный язык семизэтажный мат..., до каких это пор будешь обижать мою дочь? Да я тебе, алкаш несчастный, за нее оторву все, что у тебя имеется и скажу, что так и было. Если еще раз поднимешь на нее руку, убью, твою мать! Ты не думай, что на тебя управы нет. Найдется!

- Ты чё, старая карга, сюда приперлась? Ты чё разоралась, людям спать не даешь? Да я с тобой и говорить не хочу! Позови Зинку! Зинка, слышь, открой, я тебе приказываю! Муж я тебе или нет?

- Я тебе поприказываю, - инпотент несчастный, - парировала теща...

- Зинка, слышь, открой! Я пришел домой, я ведь тебя люблю, открой, дура!

- Где был, туда и возвращайся, - ответила Зинка.

Во всех комнатах уже все проснулись и прильнули к дверям, - что было ясно по скрипу полов, всем было жуть как интересно, кто выиграет в этой баталии: зять или теща.

- Зинка, я прошу, открой! А-а-а -!!! Не хочешь, стерва, так я всем расскажу, что до меня у тебя был любовник грузин, пусть все знают, какая ты проститутка и...

- Ты, мразь такая, сморчек недоделанный, еще оскорбляешь мою дочь? – громыхнула в ответ теща. Ну, за это я глаза тебе выцарапаю и всем расскажу, что ты ин-па-тент, - чеканя каждый слог, пропела теща, - и поэтому ходишь на сторону... Твою мать, я выведу тебя, на чистую воду и, только попробуй поднять руку на дочь, придушу, иуда.

- Зинка открой, ведь ты у меня, стерва, единственная, я как жисть свою тебя люблю, открой и не слушай эту старую кашелку...

- Ах, я кошелка? – возмутилась за дверью теща. Да за мной мужики табунами ходят, дубина ты неотесанная, да я на вид моложе тебя, хрен собачий...

- Ты, старая ведьма, еще слово и я за себя не ручаюсь, убью...

- Зин, а Зин, открой... У нас ведь семья, дочка, или, ты, стерва подзаборная, пока я был на работе, уже здесь со всеми мужиками переспала? Узнаю, убью!

Эта перепалка продолжалась еще полчаса. Теща, уже зевая, посылала еще в адрес зятя проклятья. Но постепенно баталия стала затихать. По скрипу полов, доносившихся из всех комнат, стало ясно, что соседи пошли укладываться спать во

второй раз. Григорий прилег на коврик у своей комнаты и, как бездомный пес, свернувшись калачиком, скоро захрапел. Нужно было набраться новых сил, ведь еще утром его ожидало продолжение высокохудожественного разговора с тещей и женой. Воронья слободка сладко засыпала, получив избыток информации, которую завтра они будут обсуждать до хрипоты на кухне. И так каждый день. И не понятно было, ради чего эти люди живут, что хотят от жизни, пытаются что-либо изменить в ней и видят ли они хоть какой-то просвет? За годы кочевой жизни приходилось видеть и не такое. «Ломка», которую нам устроили разные гайдары и ельцины, в первую очередь коснулась особенно неприспособленных к изменениям людей. С этими мыслями заснул и я. А через четыре месяца, найдя квартиру в Красноярском академгородке, я покинул Воронью слободку, приобретя опыт жизни «на дне» и оставив в своей памяти печально-веселые воспоминания о её жителях.